Денисова Инна Васильевна

**Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина.
Лаборант-исследователь музея академика И.И. Срезневского
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
соискатель кафедры литературы РГУ имени С.А. Есенина.**

Тема доклада: "Сражение под Шишевским лесом в летописных источниках XV-XVI вв."

Летописи XV – XVI вв. рассказывают о неожиданном нападении в 1365 (6873) г. «ордынского князя» Тагая с татарами и мордвой на Рязань и ее разграблении. Когда обременённые добычей победители возвращались назад, их настигло рязанское войско под предводительством князя Олега Ивановича с Владимиром Пронским и Титом Козельским. После непродолжительной битвы под Шишевским лесом рязанцы одержали победу, Тагай с немногими людьми спасся бегством [2, с. 107]. Новгородские летописи умалчивают об этом событии. Софийская I летопись старшего извода повествует в рамках краткого летописного рассказа, не локализуя места сражения и не указывая в качестве участника Тита Козельского. Книжник выступает на стороне рязанцев: «… и поможе богъ князю Олгу и князю Володимеру, в мале Тягаиутече в Наручадь» [7, с. 436]. Ермолинская летопись приводит распространённую погодную запись: «Тое же осени прииде князь Тагаиизъ Наручадивзяти Переславль Резаньски, пожегъ и поиде; князь же Олегъ с Володимеромъ Пронскимъ, его угонивше, бивше его, а самъутече в Наручади» [1, с. 153].

Самое подробное описание читается в Симеоновской и Никоновской летописях в составе пространного летописного рассказа, лишь эти летописи именуют Олега Рязанского «великим» князем.

В Симеоновской летописи текст отмечен киноварным заглавием «Побиша князи рязанстии татар». Только Никоновский свод приводит предысторию сражения: «Того же лета Тагай князь Ординский, иже по разрушении Ординьском прииде в Наручад и тамо сам о себе княжаше, в Наручадской стране, и потом въсхоте воевати Русь, и собрався со всею силою своею и со всею страною Наручадскою, и поиде ратью многою на Рязаньскую землю…» [6, с. 5].

Никоновская и Симеоновская летописи локализуют место битвы «под Шишевским лесом, на Войне», Рогожский летописец, сообщающий о случившемся в рамках краткого летописного рассказа, вместо точного географического положения битвы содержит пропуск в тексте, что свидетельствует об использовании им того же протографа, возможно, Рязанской летописи. Скорее всего, книжник не разобрал написанное в источнике и оставил место для того, чтобы затем уточнить, либо он писал со слов очевидца и не запомнил сложные рязанские наименования. Никоновская летопись, а вслед за ней и Симеоновская изобилуют деталями: «гордый Ординьский князь Тагай, иже Наручадской стране дръжатель, во стасе и в трепете мнозе быв и недоумевся, что сътворити, видя всех своих Татар избиеных, и тако рыдаа и плача и лице одираа от многиа скорби, и едва в мале дружине убежа» …» [4, с. 6].

Лишь впечатлительный очевидец мог так подробно описать бегство татарского хана с поля боя. А.Г. Кузьмин обратил внимание на появление в ряде летописей имени Тита Козельского, который являлся Карачевским князем, а Козельским был

его сын Иван – зять Олега Ивановича, вероятно, находившийся под его влиянием [3, с. 211 – 212].

Скорее всего, автор рассказа, рязанец, хорошо знал сына, потому также титуловал и отца. Ещё одна деталь, доказывающая рязанское происхождение текста: «Тагай въсхоте воевати Русь» [4, с. 5], а идёт на Рязанскую землю, что говорит о Рязанской земле как о первостепенной составляющей Руси в представлении книжника.

В тексте Никоновской (и совпадающей с ней в данном эпизоде Симеоновской), Софийской летописей и Рогожского летописца прочитываются воинские формулы: «и бысть им бой и брань зело люта и сеча зла» [4, с. 5], «и быстьимъ велика сеча» [7, с. 436], «и быстьимъ бои, брань люта и сеча зла» [5, с. 76].

Отметим, что в «Повести временных лет» и других летописях южнорусской традиции эпитеты употреблялись в укороченном варианте «бысть сеча зла», «бысть брань люта», «люто бобе бой». Н.В. Трофимова, анализируя эволюцию и становление воинских формул начала битвы и рассуждая о расширении формулы («брань крепка зело и сеча зла»), отмечает: «Соединение, причём с усилением эпитета в первом варианте формулы при помощи наречия, безусловно, говорит о желании летописца усилить экспрессию» [8, с. 72].

В случае с Никоновской летописью («и бысть им бой и брань зело люта и сеча зла») и Рогожским летописцем («и быстьимъ бои, брань люта и сеча зла») имеем ещё более расширенный вариант формулы, свойственный общерусским сводам XV–XVI вв.

Экспрессия книжника приобретает грандиозный масштаб, ощущается авторство очевидца, современника событий. В случае с Рогожским летописцем можно предположить использование «списателем» в качестве протографа Симеоновской или Никоновской летописи, которые, в свою очередь, пользовались Рязанским сводом.

Таким образом, летописный рассказ о сражении под Шишевским лесом на реке Воино, вероятнее всего, принадлежит местному летописцу. Об этом свидетельствует предыстория прихода Тагая на Рязань, детали описания битвы, точная локализация сражения, ошибка в именовании Карачевского князя Тита Козельским, экспрессивное расширение воинской формулы.